

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В.И. СТАРОВЕРОВ,

доктор философских наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник,

Институт социально-политических исследований РАН

Ключевые слова: *раскрестьянивание России, крестьянство, социалистическая коллективизация, судьба крестьянства.*

Тема раскрестьянивания России в последнюю четверть века стала одной из обсуждаемых. И не столько в силу её значимости для современной российской социально-экономической жизни, сколько по причине идеолого-политической и агитационно-пропагандистской эффективности ментально-манипулятивной деятельности, направленной сначала на обеспечение условий для свержения советского социалистического строя, а сегодня – на искоренение ностальгии по нему масс населения.

Но прежде чем говорить о раскрестьянивании и миссии крестьянства в строительстве социального государства, давайте определимся в том, что представляет собой крестьянство и кто является сегодня крестьянином. Лет 40 назад видный крестьяновед Т.И. Шанин опубликовал на Западе многократно переиздававшуюся потом хрестоматию «Великий незнакомец», в которой собрал 57 отрывков из работ виднейших учёных мира, пытавших дефинировать этот социально-исторический феномен. И все их дефиниции характеризовали какие-то действи-

тельные его черты, но в целом противоречили друг другу. Сегодня это разномыслие ещё более усилилось.

Сам Шанин определил крестьян как мелких сельскохозяйственных производителей, которые используют *простой инвентарь* и труд членов своей семьи, работают – прямо или косвенно – на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти [1]. Иначе говоря, как реликт доиндустриальной эпохи. И в этом есть определённый исторический смысл. Особенно в свете концепций детерминации общественной истории цивилизаций последовательной сменой технологических укладов.

В современной России это разрабатываемая академиком С.Ю. Глазевым и его коллегами концепция экономического и в целом общественного развития под воздействием глобальных технологических сдвигов. На Западе – прежде всего концепция волнового развития цивилизаций А. Тоффлера и концепции теоретиков перехода общества из индустриального в постиндустриальное

119334, г. Москва,
Ленинский пр., д. 32А;
тел. 8 (495) 938-51-68

состояние, включая Д. Белла.

Алгоритм выделяемых первой концепцией шести технологических укладов тесно коррелирует со спиралью общественного формационного развития, в свете которого историческая судьба крестьянства отражена ещё вообще-то довольно слабо. Ясно только, что оно, подобно Протею, видоизменяясь, проходит с момента своего появления через ряд формаций, пока не начинает трансформироваться в иные социальные общности в Новое и Новейшее время, то есть в условиях индустриальной стадии капитализма и посткапитализма.

У Тоффлера основания для такой трансформационной устойчивости (естественно, относительной) крестьянства более явственные. Он выделяет три цивилизационных волны технологических изменений: аграрную, индустриальную и информационную (или постиндустриальную). В этом случае истори-

***Degradation of a rural way
of life in Russia, peasantry,
socialist collectivization,
destiny of peasantry.***

ческая судьба крестьянства отражает аграрную цивилизационно-технологическую волну, причём в двух ипостасях: сословной и социально-классовой.

Вырисовывается следующий алгоритм исторической субъектности крестьянства. На всех этапах своего исторического развития на гребне аграрной цивилизационной волны технологических изменений оно составляло большую или меньшую часть *сословия аграрного населения*. По мере перехода аграрной волны в индустриальную крестьянство начинает утрачивать материальные основания своей жизнедеятельности, которая тысячелетиями была органически связана с природой, с «биосферными технологиями». Если до этого, по словам К. Маркса, «каждая отдельная крестьянская семья... производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом» [2], то индустриальные технологии потребовали включения в более интенсивные и устойчивые сношения с обществом. И с этого началось сословное раскрестьянивание – уменьшение его доли и численности в аграрном сословии.

Но с этого же момента начинается ослабление и социально-классовой значимости крестьянства, которое лишь опосредованно связано с технологическими изменениями. Опосредующим звеном в этой связи была община как основа социально-хозяйственной организации крестьянского агродела. Утрачивая общинную базу своего агродела, крестьянство теряет объективные основания своего существования в качестве общественно-исторического субъекта и начинает замещаться другими социальными типами аграрного сословия.

Это понял уже на заре становления капитализма французский классик экономики Канэ, выдвинувший альтернативой крестьянству фермерский общественный тип земледельца-предпринимателя, что произошло в связи с тем и в тот момент, когда интенсивно формировавшаяся капиталистическая частная собственность, оплодотворённая духом протестантизма, стала интенсивно заканчивать начатое ею раньше разрушение западной общины-марки. Поэтому в США, чьё агродело создавали раскрестьяненные частной собственностью западно-европейские аграрные мигранты, оно и приняло фермерско-предпринимательскую форму. По словам Р. Лайпса, «страна, ставшая Соединёнными Штатами, была основана людьми, бившими за частную собственность», в том числе в агроделе.

По тому же пути пошло с некоторой задержкой и аграрное развитие, умертвившее национальную земледельческую общину стран Западной, а затем (с некоторой исторической задержкой) – и Восточной Европы, включая Россию. Но это путь, в корне противоречащий при-

роде корневых истоков возникновения и функционирования крестьянства, в связи с чем можно сказать, что объективные основания для исторической субъектности крестьянства в современной России фактически разрушены и мы имеем дело с его остатками. Поэтому пытаюсь сегодня говорить о социальной миссии крестьянства мы в действительности говорим об аграрном населении и аграрном деле вообще, а не об их крестьянской составной.

В свете сказанного хочу кратко коснуться ряда мифов вокруг темы раскрестьянивания России, а именно: исторической уникальности раскрестьянивания России, уникальности многострадальной судьбы российского крестьянства, зловещей роли в раскрестьянивании России социалистической коллективизации сельского хозяйства.

1. Раскрестьянивание России началось отнюдь не в 20-30-е годы прошлого века, а несколькими столетиями раньше. Промышленную модернизацию России, уральскую и иную промышленность обеспечивал труд отнюдь не мещан или дворян, а приписанных к заводам крепостных и посессионных крестьян, ставших рабочими не по своей воле, а по указам царей и их доверенных агентов-крепостников. Но дело шло вяло из-за господства в стране крепостнического уклада хозяйства, и поэтому была осуществлена так называемая Великая крестьянская реформа 1861 года. «Так называемая» потому, что её логичнее было бы назвать реформой, давшей старт интенсификации, с одной стороны, капиталистического развития, с другой – раскрестьянивания России.

Оба этих процесса были выражением цивилизационно-технологической необходимости, решение которой обеспечивало сохранение страной своей исторической субъектности в качестве мировой державы. И у этих процессов были альтернативные пути, обеспечивавшие возможность избежать уже проявившихся на Западе социальных «язв капитализма», сохранить крестьянство, его социальную адаптацию к парадигме индустриализма. В частности, такие альтернативы были обоснованы в известном письме К. Маркса народолюбке В. Засулич об исключительной роли для такой адаптации господствовавшей в российской деревне общины. Но, как известно, эти альтернативы неизбежно вывели бы Россию на путь строительства социализма, а это для её властей было неприемлемо.

Особо мощный толчок капитализации и раскрестьяниванию России дал П. Столыпин, названный основоположником российской социологии М. Ковалевским «революционером от верхов». По сути, Столыпин и Ленин были оба революционерами, но с принципиально разными знаками политэкономической социальности. Оба оценивали капитализм как прогрессивный шаг страны от крепостничества. Но Столыпин нацелен был

на утверждение капитализма и закрепление его в качестве незыблемой вершины исторического развития России. И потому он сознательно разрушал препятствующую этому общину, насаждая взамен аграрное фермерское хуторское частное предпринимательство, противоположное своей общественной природой крестьянству. Эту сторону его деятельности я подробно рассмотрел в своей недавней статье о нём, критически проанализировав панегирики ему как мнимому защитнику крестьянства [4].

Ленин, приветствуя расчистку крепостничества и формирование капитализма, рассматривал его как переходящую стадию, притом краткосрочную, вступившую в развитых странах в этап загнивающего империализма и потому исторически обречённую. Переосмыслив в свете новых реалий многие постулаты не только марксизма предшествовавшего столетия, но и народничества, он обозначил стратегию развития России к социализму через кооперацию, которая в новых условиях становилась трансформированной формой общинности и, следовательно, обеспечивала вовлечение на этот путь крестьянских масс и сохранение крестьянства в качестве активного исторического субъекта. Но, естественно, и он не мог предложить формы его консервации в качестве субъекта истории. Это противоречило бы универсальной поступи цивилизационно-технологических и детерминируемых ими общественных изменений.

Поэтому когда страна стала развиваться в соответствии с выработанной Лениным и его сподвижниками стратегией, сокращение численности российского крестьянства продолжалось и даже усилилось, отражая процессы вынужденной ускоренной индустриализации национального хозяйства, без чего страну уничтожили бы в неумолимо назревающей мировой войне. Но это было выражением не уникальности раскрестьянивания в России, а его общецивилизационных мировых тенденций.

Слов нет, и сегодня крестьянство составляет почти треть мирового населения, но сосредоточено оно в отсталых странах, где проживает 85-90% из 1 миллиарда страдающих от голода жителей планеты. Та же участь ожидала бы и знавшее неоднократно ужасы массового голода население России, игнорируя большевики названные тенденции.

2. Что касается уникальности многострадальной судьбы крестьянства в России, то и это не более чем социально-манипулятивный миф.

Во-первых, участь мелких сельскохозяйственных предпринимателей одинакова во всех индустриально развитых странах. В США за столетие перехода его агродела от аграрной цивилизационно-технологической волны к индустриальной численность их уменьшилась в 6 раз, в странах Западной Европы за время такого перехода – в 10-15 раз. И нелепо полагать, что необхо-

димность большинства обанкроченных фермеров проходить через безработицу и нищету была легче судьбы раскрестьянивавшихся путём перелива в иное общественное качество мелких российских агропроизводителей.

Во-вторых, в современной России не менее многострадальна судьба других классов и сословий, притом не только утративших объективные материальные и экономические основания для своего функционирования в качестве социальных субъектов истории, но прежде всего по причине субъективизма волонтаристской политики современных властителей. Особенно общностей, захватываемых неумолимым ходом глобализации, её проблемами и нарастающим разрывом их интересов с защищаемыми этими властителями общественными формами осуществления её императивов.

Многострадальна судьба всего российского населения, потерявшего в мирные полтора десятилетия 16 миллионов человек, деградирующего психофизически и социокультурно и всё глубже захватываемого синдромом национального социально-демографического самоубийства. Многострадальна судьба советской интеллигенции, превращаемой путём снижения её интеллекта и духовности в сословие равнодушной к страданиям и болям народа «образованщины», утрачивающей тем самым социально-нравственные основы своей исторической субъектности¹. Многострадальна судьба нашего научного сообщества, численно сокращённого *втрое* и неумолимо лишаемого исследовательской базы, ставшей объектами рейдерских захватов. То же можно сказать о других социальных общностях современного российского общества, в том числе о коррумпированном и криминализируемом населении, поскольку причиной этих явлений стало тотальное насаждение в обществе частной наживы и потребительства как высшей цели существования *каждого* члена российского социума, неумолимо уничтожающей в сознании людей императивные принципы цивилизованного общежития.

То же, правда, с меньшей выраженностью, происходит и во многих других, в том числе развитых странах. Происходит это потому, что властители этих стран и их элиты утратили ориентиры организации общежития людей на принципах гуманизма, социальной справед-

ливости и социального равенства. Сделав высшим благом для себя наживу любым путём и потребительство, народы затолкались на перепутьях своих исторических судеб, и так называемая «невидимая рука рынка» оказалась не указующей выход из тупиков лабиринта нитью Ариадны, а самим пагубным лабиринтом, в котором шансов найти выход меньше, чем погибнуть.

3. Третий миф – о пагубности для российского крестьянства социалистической коллективизации. Она, безусловно, прошла для него не без издержек, но кто может определённо сказать, что эти издержки были большими, чем если бы оно было раскрестьянено путём неизбежной при капитализме пауперизации основной его части. А именно этого потребовал бы капиталистический путь модернизации страны на основах индустриализации. Что касается издержек от перегибов в проведении коллективизации, то ответственность за них несут отнюдь не только и, главное, не столько большевики. Напомним, что на первых порах Наркомзем возглавляли эсеры, а затем – троцкисты и бухаринцы, бывшие адептами построения «казарменного коммунизма» на принципах принуждения не только крестьян, но и всех других категорий населения, включая, как говорил Бухарин, самих рядовых коммунистов. И это их элиты (Сырцов – на Дону, Эйхе – в Сибири и т.д.) активничали в рассказывании и раскулачивании, за что и подверглись вскоре репрессиям. А их потомки успешно переложили вину за перегибы при коллективизации со своих предков на их противников.

Если же оценивать коллективизацию сельского хозяйства объективно, то это была великая социально-гуманная по своей сущности аграрная реформа. Она продлила действительность общинных принципов аграрного хозяйствования и *сохранила крестьян в социально обновлённом виде* на привычной им несколько трансформированной кооперативными принципами общинной основе. А настоящее раскрестьянивание произошло именно в годы либеральных реформ и капиталистической реакции. Об этом убедительно свидетельствуют результаты сельскохозяйственной переписи 2006 года. Вот лишь некоторые цифры, характеризующие структуру и масштабы сектора, лукаво поименованного крестьянско-фермерским: 9/10 его составля-

ют мелкие, надо понимать, крестьянские хозяйства, а 90-95% земли, охватываемых этим сектором, скотины, птицы, произведённой продукции принадлежат нескольким процентам фермерских хозяйств, превзошедшим масштабами прежние колхозы и совхозы, использующим наёмный труд, субъекты которого по природе не могут быть крестьянами. Далее, говоря о структуре и масштабах хозяйств населения, особенно личных подсобных хозяйств, следует обратить внимание на подавляющие своими масштабами малые проценты ЛПХ, которые своими размерами напоминают хорошую американскую или иную капиталистическую агролатифундию. Да они и являются на деле таковыми и прикрываются маркой ЛПХ и крестьянско-фермерского сектора, чтобы пользоваться льготами налогового обложения, финансирования и т.д., отнимая их с помощью коррумпированного чиновничества от подлинных мелких производителей, утрачивающих свободу хозяйствования, превращаемых в жалкую общность социально-экономических маргиналов.

Говоря о сегодняшнем этапе раскрестьянивания, я ни слова не сказал о пагубном влиянии на крестьянство капиталистических форм агропромышленной интеграции: о стратегии государственной аграрной политики избирательной поддержки только экономически эффективных собственников, а также иных пагуб функционировавшего в современной России аграрного строя, обрекающих отечественное крестьянство на дикое вымирание. Несмотря на все исторические заслуги этого класса в становлении современной цивилизации, нисколько не считаясь с тем, что с его природой и культурным вкладом в процесс её становления связана вся корневая система ментальности, духовности и нравственности российского народа, и что с утратой их последних носителей российские народы утратят многие свойства социума, превратятся в лишённых исторических традиций обитателей территории – в бездуховных манкуртов.

Таким образом, исходя из состояния современной аграрной России речь надо бы вести не о миссии нашего крестьянства в формировании социального государства, а о миссии государства в сохранении и адаптации к новым условиям остатков искореняемого сегодня российского крестьянства.

Литература

1. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия / сост. Т. Шанин. М. : Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 207.
3. Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001.
4. Староверов В. И. Историческая реакционность Петра Столыпина // Наука, культура, общество. 2009. № 1.

¹ Понятие интеллигенции чисто русское. Так маркировал было плодовитый писатель XIX в. Боборыкин российскую разночинную элиту, уничтожительно характеризует её как "большую" идею социальных страданий масс народа. Ярлык понравился разночинцам, взявшим его в качестве самоназвания, и позднее пошёл во все мировые словари в русском произношении и значении. Нынешних российских интеллектуалов успешно лечат от "болезни" сострадания с народно-национальными бедами.